

во внутреннее дело независимого Грузинского государства.

Таким образом, можно заключить, что факторы, обусловившие югоосетинское самоопределение, имели достаточно сложную природу и носили комплексный характер. При этом особенностью процесса югоосетинского самоопределения стал, безусловно, факт параллельного по времени протекания процессов самоопределения осетинского меньшинства и титульной грузинской нации, проходивших в условиях масштабных дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство дополнительно обостряло эти процессы, придавая им особую конфликтность.

Вместе с тем процесс национально-государственного самоопределения Южной Осетии демонстрирует и ряд общих закономерностей, связанных с политикой дискриминации национальных прав меньшинств со стороны титульных наций государств и соответствующей реакции на эту политику этих меньшинств, всерьез обеспокоенных защитой и сохранением своей этнонациональной идентичности в условиях активных глобальных и региональных этнополитических трансформаций. В связи с этим становится очевидным, что только всесторонний учет этих обстоятельств и определенное политико-правовое регулирование как на региональном, так и на международно-правовом уровне способны снизить остроту процессов национально-государственного самоопределения и обеспечить их протекание в мирном правовом русле с целью сохранения мира и безопасности как самоопределяющихся, так и уже определившихся со своей государственностью народов.

УДК 32.01

ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Г. М. Барашков

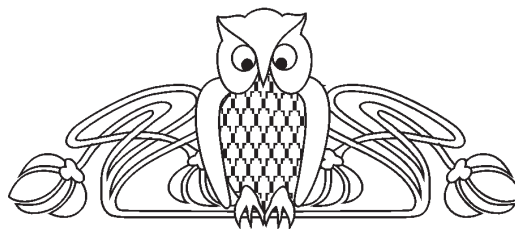
Саратовский государственный университет
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных взглядов на демократию, ее противоречиям, особенностям процесса демократизации и построения гражданского общества в незападном ареале, а также поиска новой модели развития западных стран в связи с кризисом либерально-демократической модели развития.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизация, модели гражданского общества, государство, институты, функциональная особенность, модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Примечания

- ¹ Баранов Н. А., Пикалов Г. А. Теория политики. Лекция 22. Национальный фактор политики. URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/22.htm (дата обращения: 10.04.2013).
- ² См.: Сиукаев Н. В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 1994. С. 8.
- ³ См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / под ред. проф. Н. Г. Джусойти. Цхинвал, 1995. С. 50.
- ⁴ См.: Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос / сост. А. Бакразе, О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994. С. 321.
- ⁵ Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: тез. докл. междунар. конф. М., 1995. С. 49.
- ⁶ Smith A. The Ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P. 137–138.
- ⁷ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / под ред. Б. Коппитерса. М., 1998. С. 25.
- ⁸ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтничного общества. Тбилиси, 2000. С. 31.
- ⁹ Анчабадзе Ю. Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению. С. 109.
- ¹⁰ Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. М., 1998. С. 37.

Democracy, Civil Society and the Democratization Process: the Main Tendencies and Contradictions

G. M. Barashkov

The article is devoted to the analysis of modern views on democracy, its contradictions, peculiarities of the process of democratization and building civil society in non-Western area, and also search of a new model of development in the Western countries, in connection with the crisis of the liberal democratic model of development.

Key words: civil society, democratization, models of civil society, state institutions, feature, models of interaction between the state and institutions of civil society.

Современное историческое развитие государств и обществ открывает непрогнозируемый выбор сценариев развития. В этом смысле неизвестно, чего можно ждать от будущего, какие формы станут приобретать общества, каким образом будут функционировать политические институты этих обществ.

На сегодняшний день в западной общественно-политической мысли продолжает доминировать вывод М. Фукуямы о том, что триумф западной идеи очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив¹. Вместе с тем сам «западный ареал» в последнее время испытывает серьезные потрясения, говорящие о системном кризисе, поразившем западное общество. Суть данного явления заключается в неконкурентоспособности западной модели в политической, экономической, нравственной и других сферах жизнедеятельности общества. Опыт последнего десятилетия показывает, что проблемы, с которыми сталкиваются западные страны, а также так называемые «постисторические» (в понимании Ф. Фукуямы) уже не решаются посредством дальнейшей эксплуатации моделей либерального государства и гражданского общества. Более того, на поверку оказывается, что и порождены они зачастую исчерпанностью либеральной политико-правовой модели, ее неспособностью ответить на вызовы современности.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание в этой связи, – процесс становления принципов гражданского общества и правового государства не завершен. Да, следует признать, что представление о гражданском обществе воспринято нами у Запада. Но это не должно являться основанием отказа другим обществам в гражданственности. Если это происходит, то в данном явлении просматриваются элементы евроцентризма и американоцентризма (то есть, что не вписывается в некую «идеальную» либеральную модель развития, подвержено критическим замечаниям и отвергается). Хотя «идеального» мало осталось даже в тех странах, которые изначально считали себя апологетами либерализма и демократии. Одно можно сегодня утверждать с уверенностью: и гражданское общество, и государство являются собой закономерный результат естественно-исторического развития цивилизации. В разных странах они могут принимать те или иные формы, модификации с присущими специфическими особенностями и чертами, и это многообразие будет его лишь обогащать и развивать.

Второе: важно не впасть в крайность некритического восприятия либерально-демократических достижений. Об этом, в частности, размышлял исследователь С. А. Левицкий, полагавший,

что передовые западные демократии фактически не являются либерально-демократическими в традиционном смысле этого слова, и есть существенные различия в принципах организации общества и государства в разных странах. Ученый подвергает резкой критике западный материализм, полагая, что в такой материальной цивилизации застывает сам огонь свободы. Когда же теряется идея самоценности свободы, то перестают цениться и блага духовной культуры². Иными словами, С. А. Левицкий показывает, что в лоне современной западной индустриализованной цивилизации демократический либерализм таит в себе внутреннюю опасность, потенциальную возможность перерождения в некий антипод, возврата к тоталитаризму. Свобода, лишенная определенного духовного смысла, отрицает в конечном итоге самое себя.

Схожую позицию занимает немецкий исследователь Г. Рормозер, критикующий либеральную демократию за неспособность отвечать на вызовы времени, но главное, за кризис нравственности, в которой он повинен. По мнению Г. Рормозера, либеральное политическое сознание переживает кризис, потому что оно лишено моральной идеи, которая бы легитимировала его. Абсолютизация общества, противопоставляющего себя истории, государству и религии, ведет к упадку нравственности, предоставив человека полностью лишь самому себе. Достижения свободы фактически оказываются упущены, нравственная и религиозная субстанция выдыхается³.

Несовпадение индивидуального интереса с общим, проблема, которую пытался решить социализм, западным обществом тоже не решена. Гегемония либерализма, позиционирование его как единственно верного учения, привело к его вырождению в либертариизм, к абсолютизации индивидуализма, атомизации и фрагментаризации общества, что, в свою очередь, обусловило внутреннюю эрозию общества, его распад, «кризис культуры». Жизнь лишается иного смысла, кроме удовлетворения потребностей. Философией существования становится гедонизм.

Здесь следует отметить, что либерализм попал в некую ловушку, когда объявил себя «единственно верным учением» со своей непревзойденной системой ценностей, со своими притязаниями на всеобщность. Тем самым либерализм проявил себя неожиданным образом, обнаружив склонность к диктату, тоталитаризму, нетерпимости к инакомыслию. И здесь дело даже не только в том, что либерализм взял на себя совершенно непосильную задачу быть единственным духовным наставником и арбитром. В тупике оказалась вдохновленная либеральной идеей вся эпоха Нового времени с ее упованием на рационализм и техницизм, с верой в несокрушимую поступь прогресса и разума. Прежние цели – удовлетворение потребностей человека – увели на ложные пути. Нужны новые, более высокие цели, наделенные

духовным смыслом и способные воодушевить людей. Слишком много либерализма стало в сфере политики и культуре и очень мало в экономике.

Кроме того, представляя достижения либерал-демократизма, не следует питать иллюзий на сей счет. В основном, когда мы говорим о Западе, то представляем некую идеальную модель гражданского общества. На практике же все не так гладко и бесконфликтно. Взять хотя бы для примера проблему взаимодействия права и власти (как политической, так и экономической). Есть основания полагать, что в ряде ведущих либерально-демократических стран «экономическая власть превращается в политическую, а политическая власть действует как власть экономическая»⁴, и более того, «все четче и нагляднее проявляется универсальная тенденция, согласно которой политическая власть, и прежде всего власть государственная, является прикрытием всемогущества экономической власти»⁵. Отдельные западные исследователи неоднократно отмечали данное положение в своих трудах. Так, например, политолог М. Паренти отмечал, что почти все социальные институты, существующие в западном обществе, вместе с их материальными и профессиональными ресурсами находятся под контролем плутократии и управляются невыборными, самоназначаемыми группировками богатых представителей корпоративного сектора, которые не несут ответственности ни перед кем, кроме самих себя⁶.

Третье, на что хотелось бы обратить внимание, – усиление роли государства, его бюрократизация. Это связано с тем, что все западные страны позиционируют себя как социально-правовые государства. Экспансия государства является результатом совершенно новой концепции политического устройства, которая поощряет гипертрофию политического и административного аппарата, находящегося на содержании налогоплательщиков. Государство проникает во все сферы общественной жизни, в значительной мере трансформируя отношения, которые традиционно складывались между ним и сферой гражданского общества⁷. Этот процесс приблизил государство к гражданам, оказываясь все в большей степени вовлеченным в их жизнь. По сути, это свидетельствует об эрозии той сферы, которая раньше считалась неприкосновенной в либеральных концепциях и которая стирает существенные различия между публичным и частным, между государством и гражданским обществом. Процесс, начавшийся лишь с минимальных и неизбежных ограничений классической концепции собственности, теперь систематически сдерживает индивидуальную автономию по тем или иным аспектам. Чаще всего утверждается, что это делается именно для того, чтобы защитить определенные свободы и сферы автономии как для индивидуумов, так и для ассоциаций. Парадоксально, что смысл вмешательства государ-

ственных органов заключается в том же, что и в более ранние периоды в соответствии с законом позволяло официальное вмешательство государства в те сферы, которые относились к частной жизни. Однако сегодня в западных странах масштаб и интенсивность защищающего надзора и вмешательства (в полицейских, фискальных, правовых целях, в целях безопасности и др.) намного больше, чем когда-либо ранее. Тенденция, несмотря на резкую реакцию различных групп и социальных движений на ограничение гражданских прав, не изменилась, и любое реалистичное видение будущего должно учитывать высокую вероятность того, что разграничительная линия между государством и гражданским обществом и разделение между публичным и частным может продолжать подвергаться разрушению. Это разделение, если оно исчезнет, приведет к прекращению существования обеих целостностей в том виде, в котором они известны сейчас.

Четвертое: усиление роли государства под воздействием процессов глобализации, которая сопровождается нарастанием негативных тенденций в развитии гражданского общества в странах западной демократии. Это объясняется усиливающимся воздействием на него факторов как экзогенного, так и эндогенного характера: иммиграция, терроризм, международная преступность, экономический кризис, размывание национальных культур и национальных образов жизни, потеря национальной идентичности, то есть то, что можно с полным основанием назвать «изменением социокультурного контекста» гражданского общества. Серьезные изменения в традиционной модели гражданского общества связаны также с постмодернистскими тенденциями, выражающимися в укоренении постматериальных ценностей.

Пятое: переход от авторитарных форм правления в странах Южной Европы в 70-х гг. XX столетия и позже в Латинской Америке, в меньшей степени в Азии и Африке сделал изучение процессов демократизации приоритетной областью исследования политической науки⁸. Так, в частности, авторы ставят вопрос о возможности использования теорий демократизации, обобщающих опыт стран Южной Европы и Латинской Америки, при изучении посткоммунистических трансформаций. Тщательно проанализировав аргументацию сторонников концепции «восточной» исключительности, Т. Карл и Ф. Шмиттер показывают, что в основе этой аргументации лежит искаженное толкование постулатов и гипотез так называемой транзитологии и теории консолидации демократии. По заключению авторов, тот факт, что некоторым посткоммунистическим странам не удалось перейти к демократии, свидетельствует не столько о неадекватности парадигмы транзита – консолидации, сколько о потребности в более четком определении демократии и уточнении ее параметров, чтобы

при установлении сходных процессов и явлений можно было бы использовать одни и те же концепты и единую систему координат. Не отрицая, что посткоммунистические страны обладают собственной спецификой, авторы доказывают, что их сходство с другими странами, недавно пережившими режимные изменения, достаточно велико, чтобы формулировать концепты и гипотезы, тестировать их и подтверждать либо опровергать, опираясь на опыт всех регионов. Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе привело к тому, что большинство исследователей использует узкое определение демократии – как формальный процесс электоральных выборов⁹. Главным аргументом для подобного определения демократии является то, что она предоставляет инструмент для эмпирического исследования процесса демократизации: демократия становится так сказать «измеримой». Если применить более широкое определение демократии, включающее наличие не только формальных институтов, но и развитых форм общественной жизни, то анализ процессов демократизации становится достаточно сложным. Вслед за Д. Битамом мы считаем демократию «методом принятия решений по поводу коллективно связывающих правил и политик, в отношении которых люди применяют контроль»¹⁰. Наиболее демократической мерой является «то, когда все члены сообщества пользуются эффективными равными правами и принимают прямое участие в принятии решений»¹¹. Таким образом, основными компонентами этого определения являются народный контроль и политическое равенство.

По мнению Л. А. Гайнутдиновой, «демократизация означает процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя, и органически связана с переходом от традиционного общества к современному»¹². Таким образом, в определении демократизации в основном делается акцент на власти и на социальных отношениях, поэтому существование формальных демократических институтов, несмотря на то что это является необходимым условием, совсем недостаточно для того, чтобы демократия существовала. Тем не менее современная политическая теория видит наиболее надежный и методологически корректный инструмент разграничения авторитарных и демократических систем именно в формальных, процедурных аспектах функционирования общественного устройства. Однако формально-правовой подход к определению сущности политической системы скорее соответствует американской политологической традиции, которая делает акцент, главным образом, на избирательных процессах, что позволяет свести к минимуму субъективизм и эмоции при классификации политических режимов. Европейская же традиция придает большее значение социально-экономическим параметрам системы и ее содержательным характеристикам.

Так, например, А. Улин акцентирует внимание не только на формальных институтах демократизации, но и на форме общественной демократизации. По его мнению, «эти два аспекта демократического процесса аналитически различны: формальная институциональная демократизация и общественная демократизация могут сопровождать и укреплять друг друга, но в то же время они могут и конфликтовать»¹³. Некий процесс формальной институционализации демократии может, к примеру, быть препятствием общественной демократизации и углублению демократии. Однако, как справедливо отмечают Д. Коэн и Э. Арато, «если из “демократического оборота” изымается непосредственное участие граждан, то практически невозможно определить, является государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия»¹⁴.

Существует гипотеза, что гражданское общество укрепляет демократию, создавая общественный капитал. Как формальная, так и общественная демократия усиливаются коллективным доверием и терпимостью граждан, которые развиваются и возникают внутри гражданского общества. Однако гражданское общество, влияя на развитие демократической политической культуры, то есть формирование общественного капитала в виде ценностей доверия и сотрудничества и формирование публичной сферы, не всегда поддерживает демократию. В частности, данное состояние можно проследить на примере изменения отношения граждан к демократическим ценностям в пользу улучшения экономической составляющей их жизни. Так, при проведении автором социологического опроса¹⁵ один из вопросов звучал следующим образом: «Как Вы считаете, является ли демократический путь развития единственно правильным?», и давались четыре варианта ответа:

- а) Демократия – это лучшая форма правления;
- б) Люди хотят не демократии, а достойной жизни;
- в) Демократия ведет к хаосу и развалу России;
- г) Затрудняюсь ответить».

Подавляющее количество отвечающих (более 90%) выбрало вариант ответа «б» – «Люди хотят не демократии, а достойной жизни». Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, демократия потеряла определенную ценность для россиян, во-вторых, граждане не связывают или не видят связи между демократией и достойной жизнью и, в-третьих, в условиях кризиса либеральной демократии и аналоговости гражданских обществ¹⁶ демократия в либеральном ее понимании является важным, но не единственным условием функционирования гражданского общества.

Основная задача гражданского общества в процессе становления демократии заключается не в терминах достижения определенных содержательных целей, а скорее в терминах демократизации ценностей, норм и институтов, которые в конечном счете внедряются в политическую культуру. Однако многие исследователи в области политических теорий, в том числе уже упомянутые Дж. Козн и Э. Арато, высказывают мнение, что демократия никогда не может быть полностью институционализирована, а процесс демократизации бесконечен¹⁷.

Таким образом, гражданское общество только тогда становится демократическим, когда в нем существует максимальная сила прямого группового участия в принятии решений, влияющих на жизнь граждан. Это с необходимостью требует множественности относительно мелких демократически структурированных и основанных на участии организаций. Однако, несмотря на то что исторический опыт развития демократии показывает, что она укореняется в основном там, где государственные институты и система государственного управления функционируют в питательной среде граждански активного общества, слабость гражданского общества не обязательно коррелирует со слабой, нестабильной демократией. Такая демократия, со слабой гражданственностью, может существовать и даже вполне успешно функционировать, хотя она и не удовлетворяет всем критериям «идеальной» демократии. Соответственно, слабая, нестабильная демократия в «западном» понимании необязательно означает отсутствие и недееспособность гражданского общества.

Примечания

- 1 См.: Фукуяма М. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134.
- 2 См.: Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 1995. С. 358.
- 3 См.: Рормозер Г. Кризис либерализма : пер. с нем. М., 1996. С. 68.
- 4 Мальцев Г. В. Право и экономическая власть // Правовое государство, личность, законность / под ред. проф. В. С. Мерсесянц. М., 1997. С. 40.
- 5 Там же. С. 53.
- 6 См.: Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990. С. 66.
- 7 О моделях взаимодействия государства и гражданского общества см.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 8 См.: Карл Т. Л., Шмюллер Ф. Демократизация : концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6–27.
- 9 Определяя и измеряя демократию как форму правления, исследователи наблюдают некоторый теоретический и практический антагонизм. С одной стороны, есть сторонники узкого формального институционального макроуровня и электорального определения, которые часто встречаются среди исследователей, придерживающихся эмпирических демократических теорий. К таковым можно отнести и теорию Й. Шумпетера, который видит демократию лишь как процесс для выбора лидеров, основанный на соревнованиях элиты. Однако узкое определение сильно упрощает и ограничивает программы многих исследований, исключая, таким образом, многие проблемы демократии (См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. L. : George Allen & Unwin, 1976).
- 10 Beetham D. Liberal democracy and the limits of democratization Prospects for Democracy : North, South, East, West / in D. Held (ed.). Cambridge : Polity Press, 1993. P. 55.
- 11 Ibid.
- 12 Гайнутдинова Л. А. Демократические функции гражданского общества. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/demokratische-funktsii-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 22.03.2013).
- 13 Uhlin J. Post-Soviet Civil Society. Democratization in Russia and the Baltic States. L. ; N. Y. : Routledge 2006. P. 19.
- 14 Козн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 28–29.
- 15 Социологический опрос проводился в период с 01.02.2012 г. по 01.05.2012 г. в г. Саратове и городах Саратовской области (Балаково, Вольск, Хвалынский). В нем приняли участие более 600 человек различного социального статуса и возраста.
- 16 См.: Шестов Н. И., Барашков Г. М. Гражданское общество и его аналоговые формы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 71–78.
- 17 См.: Козн Д., Арато Э. Указ. соч. С. 73.